
КСЕНИЯ МЯЛО

2 ДЕКАБРЯ 2007: ПОЕЗД УШЁЛ?

Жанр политического фарса, казалось, полностью исчерпал себя в минувшем году. Позади – политологические радения на безостановочных ток-шоу, возбуждённые гадания на кофейной гуще: “Кто? Зубков? Нет, Иванов... Медведев...”. Позади – отовсюду бьющие в глаза растяжки, билборды и плакаты: “План Путина – победа России!”, “Ты есть в плане Путина!” (что в одном из блогов вызвало ответную реплику: “Прошу вычеркнуть меня из плана Путина”.) Позади – толпы ряженных малолетних медвежат и вполне совершеннолетних (на вид, по крайней мере) граждан под реющими стягами: “За Путина! За Путина!”

Позвольте, но ведь выборы-то – парламентские, то есть выбирается законодательная власть, а президент, кто бы он ни был и каким бы замечательным в чьих-то глазах ни представал, – это власть исполнительная. Так что означает подобное опрокидывание принципа разделения властей, основополагающего для того политического устройства, которое выбрала для себя **новая** Россия? И что сулит оно стране? Однако недоумённые вопросы потонули в общем хоре и напоре, а всё действие увенчалось вердиктом: “Триумф!” Именно это слово вынесли на первые страницы иные не только отечественные, но и западные газеты, так что и говорить стало вроде бы не о чем. Особенно после того, как совершилось событие, которое 15 декабря ведущий телепрограммы “Времена” прокомментировал цитатой из В. Никонова:

“Разгадана главная (!) тайна российской политики – названо имя преемника”. Почти одновременно не менее выразительно высказался и “Постскриптум” А. Пушкина: “Операция “Преемник” завершена!”

Ну что же, операция так операция, язык спецслужб как нельзя более кстати в данном случае, тем более что преемник, в свой черёд, уже назвал имя будущего премьера, и тандем даже успел получить благословение Патриарха. Таким образом, почти за три месяца до президентских выборов они лишились самого слабого подobia сюжета. Не только для драмы, то есть столкновения разных программ, разных ответов на острые и, главное, общезначимые вопросы, разных образов будущего, ценностей, наконец, но даже и для интриги. А если таковая и возникнет (“Путин умеет удивлять” – реплика из репертуара всё той же “околоэлитной”, царедворческой политологии), то вряд ли вызовет интерес за пределами всё того же “элитного” круга. На сегодня публичная политика в России умерла.

Исходя из этого и памятуя, что в доме повешенного не говорят о верёвке, не разумнее ли было бы российским властям покуда не тревожить бедную тень и вообще воздержаться от суждений о демократии, в том числе и от оценок демократичности или недемократичности выборов в какой-либо другой стране? Но нет! Чёрт ли под руку толкнул, либо по иным, неведомым нам причинам, с невероятной быстротой МИД РФ поспешил очень неодобрительно откликнуться на только что состоявшиеся президентские выборы в Грузии.

Фарс? Да, конечно, можно было бы сказать и так, но ситуация, в общем-то, не располагает к смеху. Ведь одновременно с выборами президента в Грузии состоялся референдум по вопросу о вступлении страны в НАТО, давший, по некоторым сообщениям, 73% “за”. Здравый смысл подсказывает, что именно это должно было бы прежде всего стать предметом озабоченности для российских властей в целом и для МИДа в частности. Однако на деле мы видим обратное: о главном – молчание, зато встрепенувшееся политологическое сообщество тоже очень озаботилось недемократичностью Саакашвили, который (как прозвучало в одной из программ ТВЦ “25-й час”) вообще “вычеркнул себя из демократов”. Подразумевается, наверное, что Саакашвили зарыдает, услышав подобный приговор из Москвы.

Но, каков бы ни был Саакашвили и что бы ни происходило сейчас в Грузии, после того, что произошло в **России** 2 декабря, уж она-то, во всяком случае, не обладает правом решающего голоса – а может быть, и вообще голоса – в суждениях о демократии. А потому не лучше ли, нежели считать – пусть даже и не соломинки, а брёвна в чужом глазу, озаботиться бревном в глазу собственном? Тем более что “бревном” этим являются не только фальсификации. И даже прежде всего не они.

* * *

Но сначала всё-таки о фальсификациях, коль скоро этот – и, по сути дела, только этот вопрос всегда выходит на первый план. Разумеется, есть все основания полагать, что они были, и на это указывают не только сто (и даже выше!) процентов, полученные партией власти в некоторых субъектах РФ. В ещё большей мере думать так позволяет то, что **предшествовало** дню голосования. Ведь уже сама установка “на триумф”, в условиях всеислия “вертикали власти” и крепко взнузданных СМИ, говорила о многом. Но действительность и здесь превзошла ожидания. Взять хотя бы демонстративный отказ “ЕР” от участия в дебатах, который уже сам по себе лишил их остроты, да и подлинного политического смысла. По сути дела, он был прямым оскорблением не только потенциальных оппонентов и конкурентов, но, главное, **избирателей**, с которыми предпочли общаться на языке билбордов и массовок, с их забываемым апогеем в Лужниках. Всё это было так вызывающе, отмечено таким дурным вкусом, так напоминало иные, далеко не лучшие эпизоды из только что осмеянного и втопанного в грязь советского прошлого, что трудно отделаться от мысли: здесь не случайность, здесь сознательный политтехнологический приём, обслуживающий совершенно определённый замысел. Замысел, целью которого и было превращение **демоса**, народа, в **охлос**, чернь, толпу, выведенную на посмеяние и даже неспособную почувствовать собственное унижение. И, разумеется, отстаивать свои права – гражданские или социальные. Даже осознать их.

Далее, для всё-таки согласившихся дебатировать (причины этого согласия, надо думать, ведомы только им самим) был найден ещё один способ унижения: время, выбранное для дебатов, – семь часов утра и половина шестого вечера на Первом канале, 11 часов вечера на “России”. Так стоит ли удивляться, что, судя по рейтингам, их смотрело не более 1–3% зрителей (“Независимая газета”, 30 ноября 2007 г.). И трудно не согласиться с констатацией президента фонда “Индем” Георгия Сатарова: “Не было предвыборных дебатов”. И далее: “Вот раздуванию кампании вражды беспартийным лидером “Единой России” было отдано самое удобное время на экране”. Казалось бы, чего же ещё? Но мало и этого. “Я только что вернулся из регионов, – продолжает Сатаров, – где мне рассказали, что им пришла разнарядка из Москвы – не упоминать в эфире ни одной партии, кроме “Единой России”...” (Там же.)

Факт существования разнарядок, установленных плановых показателей “за”, прямого инструктирования губернаторов сегодня вряд ли можно поставить под сомнение. Показательны в этом смысле события, развернувшиеся вокруг главы Смоленской области Виктора Маслова, лично возглавлявшего предвыборный штаб “ЕР”. Ещё почти за месяц до выборов источник в его окружении сообщал, что от них действительно требуют повысить результаты: “Нам прямо говорят, процент должен быть высоким, как на выборах прези-

дента, например, у нас – 65%. Мы его, конечно, достигнем”. (“Независимая газета”, 9–10 ноября 2007 г.) Но достичь не удалось: даже официальный результат по Смоленщине – 53,92%, и вскоре В. Маслов быть губернатором перестал. А спустя всего лишь три дня после выборов в прессе, со ссылкой на некий кремлёвский источник, прошла информация о том, что администрация президента уже сделала выговор губернаторам, получившим на выборах меньше 55% в пользу “ЕР”. При чем же здесь администрация президента, может опять завести свою песню кто-то, до сих пор ещё не осознавший новой реальности, ведь выборы-то па... Ну как же, не дослушав, пояснят ему, ну можно ли быть столь наивным! Ведь не кто иной, как сам формальный лидер “ЕР” высказался коротко и чётко: “Современная Россия – это Путин”, так что делайте выводы.

И, по склонности ли к отличающему нынешнее российское общество конформизму, подчиняясь ли административному давлению (а потенциал административного ресурса ныне вовсе не исчерпывается возможностью фальсификаций) или искренне отождествляя Россию с Путиным и желая блага своей стране, но большинство этот вывод сделало, ответив требуемым “да”. Такая реальность, и никакие потерянные проценты, которые так любит годами разыскивать лидер КПРФ, существенно ничего в ней не изменят. Сказанное вовсе не означает, что факты фальсификаций, если таковые будут обнаружены и доказаны, не должны расследоваться и доводиться до сведения общества – непременно должны. Но ограничиваться только этой стороной дела не означает ли сознательно закрывать глаза на гораздо более острые вопросы, которые встают перед страной после 2 декабря? Дня, резко приблизившего РФ к фатальному разрушению самого института выборов. На эти вопросы не будут, да и не должны отвечать ни ПАСЕ, ни лично её председатель г-н Ван дер Линден, к которым настойчиво взывает Г. Зюганов, но нам, так или иначе, отвечать придётся.

К тому же ПАСЕ уже и высказалась – в той характерной для европейских чиновников уклончиво-витиеватой манере (“с одной стороны”, “с другой стороны”), которая отличает их в иных случаях. А именно: тогда, когда они, при виде прямых нарушений установленных самим же Советом Европы норм и правил, по каким-то причинам не считают необходимым вынесение отрицательного суждения – да что там, просто обвинительного приговора, – который беспощадно выносится в других. Позиция Европы по отношению к лидерам стран бывшей Средней, а ныне Центральной Азии и к Лукашенко наглядно иллюстрирует это. Причины же столь разного подхода в наши дни располагаются по большей части в непосредственной близости от “трубы”, как было, по всей видимости, и на сей раз. В таких случаях “с одной стороны” адресуется в основном собственному общественному мнению и в уже одобренном Бюро ПАСЕ 18 декабря 2007 года докладе “По миссии наблюдения за выборами” отмечено, что “выборы были по большей части свободными, но определённно несправедливыми”, подчёркнуто, что включение сохраняющего свою должность Владимира Путина в избирательный список “Единой России” “является беспрецедентным (!) для всех 47 стран – членов Совета Европы” и что активно использовался административный ресурс. Аккуратно зафиксировав всё это, ПАСЕ ограничилась выговором, притом даже и не слишком строгим, а вопрос о законности или незаконности выборов 2 декабря даже не поднимался.

Со своей стороны, мягкий “гуманистический” грим накладывает на тему Ван дер Линден в интервью “Независимой газете” (19 декабря 2007 г.).

Вопрос. Доклад ПАСЕ по наблюдению за думскими выборами гласит, что “по большей части выборы были свободными, но определённно несправедливыми”. Разделяете ли вы такую оценку?

– Я пока воздержусь от комментариев... Определённно можно сказать, что недостатки (всего лишь недостатки! – К. М.) были. И важно, чтобы ПАСЕ говорила об этих недостатках, чтобы понять, как исправить ситуацию и укрепить сотрудничество России и Совета Европы.

Вопрос. Не выльется ли этот доклад в санкции против России как члена Совета Европы?

– Я не люблю говорить о санкциях. Мне больше нравится говорить о поощрениях и сотрудничестве... Надо работать сообща и не над наказаниями”.

Сама кротость! Но мы-то помним и “оранжевую зиму” на Украине, с её

беспрецедентным третьим туром, и жёсткость давления на куда как менее “беспрецедентного” Лукашенко, а стало быть, и на Белоруссию вообще. А Югославия? Словом, избирательность применения санкций западным сообществом, его склонность к двойным стандартам настолько хорошо известны, что, повторю ещё раз, мне решительно не понятно, чего добивается Зюганов, обращаясь именно в эти инстанции. Ведь не хочет же он наложения санкций на Россию, как, полагаю, и никто из сколько-нибудь внятных людей этого не хочет. Неужели надеется услышать правду? Так ему эту правду уже сказали — “недостатки были”. Но “с другой стороны”...

“Вопрос. Как вы оцениваете последние политические шаги Владимира Путина и Дмитрия Медведева? Путин выдвинул Медведева в преемники, а тот предложил действующему президенту возглавить правительство.

— Это внутренний вопрос России...”

Воистину так. И для политического будущего России на сегодня, быть может, важнейший. Не замечать его, роясь в никого уже не интересующих ворахах бюллетеней, значит, на мой взгляд, манкировать своими обязанностями не только действующего политика, но и просто гражданина.

* * *

В ходе уже упоминавшейся программы “Времена” прозвучала знаменательная реплика одного из политологов: “Путин выбрал президента”. И то было не просто констатация, а уже тем более не встревоженность таким оригинальным вариантом проведения важнейших для жизни всей страны выборов — мол, остальных просят не беспокоиться. Нет, сказано это было “с чувством глубокого удовлетворения”, ибо, как продолжил оратор, “мы могли бы получить какого-нибудь Чавеса или Лукашенко, но теперь мы их не получим”. Оставим в стороне тон суждения о законно избранных лидерах государств, с которыми, между прочим, сама РФ поддерживает весьма интенсивные связи и с одним из которых всё ещё пытается (или делает вид, что пытается) строить союзное государство: ясно, что он недопустимо развязан, хотя и стал, к сожалению, почти нормой для России. Однако отмечу другое, а именно: политологу, несомненно известно, что в стране, куда есть немало людей, которых вариант “Чавеса или Лукашенко” не только не страшит, но и представляется весьма желанным. Думать так — это их право; равно как им принадлежит и право делать свой выбор, пусть для кого-то и нежеланный. Выборы, коль скоро уж Россия решила, как престарелая мартышка — очками, обзавестись этим атрибутом представительной демократии, всегда заключают в себе долю риска. Но это отнюдь не повод для того, чтобы нанизывать сей атрибут себе на хвост, то бишь, во имя весьма субъективно понимаемой целесообразности мириться с дальнейшим обрушением самого института выборов. Процесс такого обрушения начался не сегодня и не остался не замеченным немалой частью граждан страны¹. Но поразительно, что ни остальные участники ток-шоу, ни публика в зале, похоже, и не заметили откровенного цинизма этого заявления. И беседа (на животрепещущую тему “как будет дальше складываться отношения между Путиным и Медведевым”) понеслась дальше, оставив его без обсуждения.

А ведь обсудить было что. Ну, например: станет ли прецедентом выбор будущего президента — президентом действующим? Что в таком случае будет представлять собой политическая жизнь России? Что станет тогда со ст. 3 Конституции РФ, согласно которой народ является “носителем суверенитета и единственным источником власти”, и сохранится ли она вообще? Един ли народ в своём согласии с таким решением вопроса, по сути — с отречением от своего юридически закреплённого статуса верховного суверена? Наконец, что представляет собой “горизонталь”, на которую должна опираться пресловутая “вертикаль власти”, и существует ли эта горизонталь вообще? Либо же “вертикаль” уходит в зыбкую топь, во мрак неведомого? Все предвыборные ток-шоу вертелись в основном вокруг внутризлитных отношений, и, спору

¹ Стоит отметить, в частности, прекрасный анализ вопроса, проделанный москвичом Б. А. Макаровым и опубликованный в ныне уже закрытой “Дуэли” (№ 44), а также, к сожалению, не получившую дальнейшего развития “минусинскую инициативу”.

нет, анализ их – очень важная часть политологии. Хотя бы потому, что, обладая рычагами власти и огромными финансовыми возможностями, социальные группы, которые ныне принято (полагаю, не совсем верно) именовать элитами, способны оказывать огромное же влияние на ход событий в стране, далеко не пропорциональное их доле во всём её населении. Огромное – но не всегда решающее, и – до поры до времени, что, наверное, известно каждому, кто знаком с историей хотя бы в объёме школьного курса. Или читал Пушкина и запомнил, что “конь иногда сбивает седока”. Наступает момент, когда почва начинает уходить у них из-под ног и они оказываются лицом к лицу с тем самым “неведомым”, мнением которого до сих пор не слишком интересовались. В последний раз мы пережили это совсем недавно, на переломе 80–90-х годов, в стране куда как более цельной и обладавшей несравненно большим запасом прочности, нежели нынешняя РФ, с её нарастающим социальным расслоением, рассыпанием объединяющих ценностей и обвальным разрушением исторической памяти. По сути, она и держится-то ещё остатком советского ресурса (и даже песни поёт советские, не в силах создать своих и уподобляясь мародёру, пинающему обираемое тело), но ресурс этот близок к исчерпанию.

Другая скрепа, которая ещё как-то может удерживать вошедшее в зону турбулентности государство от крушения, – это сохранение общепризнанного и ставшего привычным, будь он плох или хорош, принципа легитимации власти. В монархиях таковым является, конечно, династическая преемственность, вот почему так опасен бывает конец династий. В России самый грозный и до сих пор сохраняющий значение в своём роде совершенной модели пример такого рода кризиса явила Смута. Впрочем, в ряду причин, приведших к началу Столетней войны между Англией и Францией, мы также видим этот обрыв династии, выводящий на сцену новых претендентов. А Иван Ильин, которого теперь многие почитают, похоже, вовсе его и не читая, непростительным проступком Николая II считал его отречение не в пользу единственного законного наследника, цесаревича Алексея. В Советском Союзе власть легитимировалась 6-й статьёй Конституции СССР, и те, кто так настоятельно добивался её отмены, прекрасно понимали, что делали. Трудно переоценить также силу удара, нанесённого государству безальтернативным президентством Горбачёва, “целесообразно” встроенным в принципиально иную систему власти. Но труднее мне понять тех представителей вчерашней “патриотической оппозиции”, которые, будучи поражены своеобразной “майданобязнью” и превратившись в яростных апологетов путинского квазивизантизма, готовы принести институт выборов в жертву опять-таки принципу целесообразности. Только бы не “майдан”, не распря, не смута, угрожающая целостности страны! Но как раз на таком пути и отворяют ворота смуте. Ведь в системе представительной власти институт выборов играет ту же роль, что династическая преемственность в монархии; лишь он один обеспечивает её легитимность. И разрушение его как раз и может стать тем толчком, который, войдя в резонанс с обострением социальных проблем и прогрессирующим раздроблением общества, если и не обрушит всё целое, то приведёт его в состояние почти полной неуправляемости. Надо ли, упиваясь эпигонским византизмом, забывать, что ведь не в последнюю очередь поэтому пала и сама Византия?

* * *

Вновь возводимый сегодня на трон принцип целесообразности вообще обладает огромным разрушительным потенциалом, который может достаточно долго, но отнюдь не бесконечно оставаться не проявленным. А “умножение сущностей”, то бишь слабо связанных между собой социальных групп или соперничающих кланов, а ещё больше – сочетание того и другого, в соединении с кризисом легитимности, приводит его в движение. Ведь сколько голов, столько умов, и сколько таких групп, столько может быть и пониманий целесообразности в соответствии с частными интересами этих групп... или лиц, становящихся их лидерами: “А слушай, князь, ведь мы б имели право / Наследовать Феодору...” Но “боярские” распри, как это прекрасно показал Ключевский в своём анализе Великой Смуты, через иерархию соподчинений неизбежно транслируются на всё более низкие социальные этажи, покуда не

достигают масс. Сила же реакции последних напрямую зависит как от накопленного по отношению к власти негативизма и её насмешливого растабуирования (что, конечно, можно и стимулировать, но нельзя создать на пустом месте), так и от “тягостности” их состояния. “Курите план Путина!”, стёб по поводу “двух портретов” – вот это как раз из области растабуирования, а ведь порою достаточно одному маленькому мальчику сказать: “Король гол”, чтобы и у других стали открываться глаза.

Что до “тягостного состояния народа” (Ключевский), то сегодня на официальном уровне и на телевидении, новостные программы которого превратились в “Спокойной ночи, малыши!” для взрослых, безраздельно господствует образ возрастающего благополучия и крепнущей стабильности. Обсуждать это даже не стоит: ведь хорошо известно, что создатели пропагандистских мифов, по-нынешнему – **пиара**, склонны и сами подпадать под их власть, утрачивая чувство реальности и переставая воспринимать идущие снизу сигналы неблагополучия. Так обстояло дело на переломе 70–80-х годов в СССР, и всё снова повторяется. Материалов же, говорящих не просто о социальном неблагополучии и плачевном состоянии экономики, но даже о приближении к катастрофе, на протяжении, по крайней мере, последних двух лет и непосредственно перед выборами было опубликовано столько, что кто хотел услышать – услышал. И если пристальнее всмотреться даже в официальные итоги голосования, станет ясно, что услышавших нашлось не так уж мало и что говорить о “триумфе” вряд ли уместно. По этим, официальным, данным, около 36% избирателей вообще не пришли на участки, из пришедших же не менее 20% проголосовали отнюдь не за партию власти, на поддержку которой был брошен столь мощный ресурс. Далее, поразили обе столицы: в Петербурге за “ЕР” отдало свои голоса 50,33% (при явке ниже 50%), в Москве – 54,15%. При этом целый ряд округов последней показал небывалый за весь постсоветский период рост процента голосов, отданных за КПРФ (на 8–9% выше, чем по стране в целом). Разумеется, фрондирующая часть “элиты” не преминула истолковать не слишком блестящие достижения партии власти в Москве и Питере в свою пользу. Так, издатель “Независимой газеты” К. Ремчуков комментирует:

“Судя по тому, что в Москве и Питере результат партии власти оказался существенно ниже, чем в среднем по стране, и неприлично низким по сравнению с Чечнёй и Ингушетией, количество избирателей моего типа в мегаполисах значительно. Опора на отсталые в социально-экономическом плане регионы, зависящие от бюджетных трансфертов, – типичная стратегия для власти. Людям из крупных городов с постиндустриальной и продвинуто индустриальной экономикой мало упрощённых парадигм, страшилок, альтернатив. Они более искушены в политике, образованы, больше привыкли опираться на себя в решении повседневных проблем. Они больше знают о власти и образе жизни её представителей. Поэтому “не подкидываются” в стремлении доказать свою лояльность центру. Они сами себе центр” (“Независимая газета”, 5 декабря 2007 г.).

Непреодолимый – и даже забавный в этой своей непреодолимости – “элитный” нарциссизм! Но, увы, совершенно ничем не подкреплённый. Ведь сходный с Москвой и Питером или даже ещё более низкий процент голосов, отданных “ЕР”, показали уже упоминавшаяся Смоленская и Ярославская (53,17%) области, Ненецкий автономный округ (48,78%), Приморье (54,87%) и Алтайский край (54,69%).

Всё это – отнюдь не слишком процветающие регионы, но, как видим, сделать свои выводы их жители сумели отнюдь не хуже высококолых “искушённых” москвичей. И если бы власть перестала трубить в фанфары и присмотрелась даже к официальным показателям (а наверняка ведь располагает и другими), она могла бы заметить, что “горизонталь” не так уж прочна, как то предстаёт в победных реляциях. А где тонко, там и рвётся.

Вряд ли она, конечно, это сделает: как мне представляется, порог вменяемости уже перейдён, а градус ответственности за страну отнюдь не зашкаливает. Но для нас-то, не “элиты”, гораздо важнее самим себе ответить на вопрос: сохраняет ли ещё для нас свою ценность идеал (высокопарно? Ну, пусть будет: принцип, всё равно – первоначало) народовластия? После всего пережитого за почти 20 лет само слово “демократия”, конечно, у многих вызывает отторжение, вновь и вновь возвращая к состоянию болевого шока.

И все знают, как именно произносится оно сегодня в России. Но если перевести на русский – “народовластие”, таким ли оно покажется чуждым, враждебным, посягающим на самые устои нашей национальной исторической жизни? Ведь именно образ народовластия как должного устройства жизни, как **правильного** государственного уклада был выношен в бурях и потрясениях Смуты, о чём сегодня, “отклакировав” её итоги, говорят не слишком-то часто. А стоило бы вспомнить – как раз сегодня, когда страна вновь оказалась на перепутье.

* * *

Всякий раз, когда задумываешься над странным выбором даты для учреждения в РФ нового государственного праздника, волей-неволей закрадывается мысль, что едва ли не основным побуждением инициаторов всего проекта было мстительное желание максимально приблизить её к ненавистному и вот теперь прилюдно “низлагаемому” 7 ноября. Ведь русские источники того времени, в том числе и написанное знаменитым келарем Троице-Сергиевой лавры Авраамием Палицыным “Сказание о Смуте”, чрезвычайно мало (а Палицын – и вообще ничего) сообщают об этом дне. Конечно, известно, что отряды казаков 4 ноября (по новому стилю) 1612 года овладели Китай-городом. Несколько раньше К. Минин с 3–4 ротами совершил удачное нападение на небольшой отряд гетмана Хоткевича, подошедшего к Кремлю с продовольствием для тамошних сидельцев. Казаки же заставили отступить от Волоколамска короля Сигизмунда. И вот всё это, вместе взятое, заставило находившихся на грани голодной смерти интервентов покинуть Кремль. Однако через 200 лет Кремль покинули и французы, а ещё без малого полтора столетия спустя наше Отечество одержало самую блистательную в своей истории и непреходящего значения в истории мировой победу над гитлеровскими полчищами. Словом, памятных побед над захватчиками (а они были и до XVII в.) в нашей истории достаточно, и предложение праздновать именно день взятия Китай-города осенью 1612 года, естественно, не может не вызывать недоумений.

К тому же интервенция отнюдь не была единственным и уж тем более главным содержанием Смуты, а борьба с ней – стержнем народного единения, особенно в начале событий. Бояре (“элита”), как известно, принесли присягу польскому королевичу Владиславу; но ведь и посадские люди сами отворяли ворота шедшему на Москву Лжедмитрию I и сопровождавшим его полякам. В Кремле короновалась Марина Мнишек, по букве – законная царица Московская, малолетний сын которой от Лжедмитрия II, хотя и был сразу отвергнут, тем не менее назывался в числе возможных кандидатов на Земском соборе 1613 г., избравшем на царство Михаила Фёдоровича Романова. Именно дата этого избрания, 21 февраля (по старому стилю), в 1613 году пришедшаяся на первое воскресенье великого поста, то есть день Торжества Православия, и запомнилась всем современникам, знаменовала ещё не полное окончание Смуты, но решительный перелом в ней. Ведь то было не просто избрание (законно избранным государем был Борис Годунов, избирался и Василий Шуйский), но такое, которого ещё не знала Русь, – избрание “первым бесспорно всесловным земским собором” (В. О. Ключевский), таким, в состав которого теперь вошли представители не только посадского, но даже и сельского населения. И вот это-то и было преодолением Смуты как **внутренней**, поставившей его на грань гибели, болезни Московского государства. В тяжких муках оно меняло даже не кожу только, но самую свою природу, из вотчинного владения удельного властителя превращаясь в достояние населяющего его народа. Именно в актах Смутного времени, отмечает Ключевский, вместо “Государя Царя и Великого Князя всея Руси” появляется выражение “люди Московского государства”, что свидетельствовало о выходе на авансцену нового субъекта политической воли и державостроения. И это новое действующее лицо **отказывается** отныне быть лишь толпой статистов, одобрительными криками приветствующей закулисно, без них и за них, сделанный выбор. Грандиозный образ такого **великого отказа** мы и видим в финальной сцене пушкинского “Бориса Годунова”, до сих пор трактуемой донельзя буквально и превратно. Здесь не безмолвие рабов – здесь то без-

молвие, затишье, которое бывает перед бурей. Здесь, можно было бы сказать, “кончается искусство”, то бишь сбой дают боярские политехнологии, уступая место тем силам и страстям, которые подлинно движут историей.

Сегодня как-то не принято вспоминать об этом, а упоминание о народовласти как о нашем **национальном** политическом идеале способно вызвать либо ироническую усмешку, либо даже яростное отторжение и подозрение в измене русскому пути. Сегодня, под ударами последнего двадцатилетия, иные затосковали по опрочине, другие стали ласково увещевать не в меру расшалившихся малолеток, что для России “свобода – это катастрофа” и что, мол, вначале надо приобрести “иммунитет” (Н. С. Михалков). Стало быть, на время (какое?) полностью передать власть над собой “взрослым”, о которых почему-то надо думать, что они этим самым “национальным иммунитетом” каким-то загадочным образом уже сумели обзавестись.

Но ведь, как мы видим, идея народовласти не только не чужда России, но была выработана ею ещё на заре XVII в. За без малого двести лет до того, как образ народа-суверена, в своей форме и на своём языке, утвердит Французская революция¹.

Да, 1613 год говорил на языке всесословного единства, а не на языке гильотины. И всматриваясь через века в те дни позднего февраля, и сейчас ещё можно различить лежащий на них отблеск тёплого света. Умилению здесь неуместно: были и неизбежные интриги на Соборе, было событие и вовсе мрачное – казнь (!) несчастного “ворёнка” Иоанна, почти младенца, как “строительная жертва” положенного в основание новой династии. Но выход на рубежи нового политического сознания состоялся. Народ, вышедший из бурь Смутного времени, отмечает Ключевский, “был уже далеко не прежним безропотным и послушным орудием в руках правительства”. Он был готов отстаивать своё такой дорогой ценой купленное право не просто на участие, но решающее участие в определении судеб государства. А поскольку посягательства на это право начались очень скоро, то и XVII век не случайно вошёл в историю под именем “бунташного”. Век XVIII перенимает эстафету, XIX – проходит под знаком поиска путей более полного и совершенного осуществления принципа народовласти. Ну а век XX приносит новую бурю; и ни один непредвзятый историк, каково бы ни было его личное отношение к советской эпохе, не может отрицать, что сам идеал **Советов** как, быть может, наиболее приемлемой для России формы правления был не отрицанием национальной традиции, но и родиться-то мог только в её недрах. Был продолжением того же поиска.

А вот сегодня эта несущая ось всего периода нового времени в отечественной истории, похоже, готова надломиться, страна же, под оболочкой омертвлённых институтов представительной демократии, может совершить невиданный прыжок в прошлое, вернуться к **вотчинному** государству, пути которого так мучительно, с плотью и кровью, отдирали от себя. Конечно, к модернизированному его варианту, где роль хозяина государственной территории охотно возьмёт на себя корпорация “элит”, что сути дела, однако, не меняет. “Бояре” на высоком крыльце, гомонящий народ внизу – дело привычное: “Кричите: да здравствует царь...”

Но можно ведь ответить и безмолвием: этот выбор ещё за нами.

---

¹ Правда, ныне отечественными фундаменталистами чаще всего описываемая исключительно как богопротивное “масонское изделие”.